

Глава 5

В лесу царило привычное безмолвие. Не возникни в воздухе едва уловимое колебание духовной энергии, Цзи Гуаньци так и не догадался бы, что у него на хвосте кто-то сидит. Его выслеживали, а он до последнего мгновения оставался в полном неведении.

И пусть оба младших соученика то и дело твердили, что талантами он не вышел, занять место первого ученика ордена и прочно на нем утвердиться бездарность бы не сумела. Его духовные силы, пусть и не шли в сравнение с дарованиями истинных гениев, всё же были весьма достойными. И то, что сегодня он допустил столь опасную оплошность, сильно уязвило его гордость.

«В ордене Сюаньтянь мне больше оставаться нельзя».

Он коснулся висящего на поясе мешочка Цянькунь и укрепился в своем решении. Как только завершится великое торжество ордена, он немедленно сложит с себя обязанности первого ученика. Если старейшины воспротивятся — что ж, он всегда может испросить дозволения отправиться в странствия да и поминай как звали.

В любом случае, бегство куда лучше безвылазного прозябания в ордене, где каждый шаг грозит очередным коварным оговором.

И все же Цзи Гуаньци обыскал рощу вдоль и поперек. Не обнаружив ни единого следа, он поднял голову и еще раз взглянул на Утёс Десяти Тысяч Чжанов. Набираться смелости и подниматься туда он не стал. Далеко не каждый найдет в себе силы вновь ступить на землю, которая когда-то стала его могилой.

Занесенная для следующего шага нога так и замерла в воздухе. Он медленно опустил ее обратно, крепче сжал рукоять меча и, постояв в тягостном молчании, круто развернулся и поспешил прочь.

А потому он так и не заметил, что мгновение спустя на раскидистой ветви соседнего дерева бесшумно соткался силуэт. Оглянись Цзи Гуаньци назад, он бы тотчас узнал эту фигуру. Ошибиться было невозможно — этот облик он помнил слишком хорошо.

— Брат Сяо, с моей раной всё в порядке, правда.

— Угу.

— Просто я так разволновался... Надеюсь, это не доставит тебе неприятностей?

— Пустяки.

Вернувшись к себе, Цзи Гуаньци еще у порога услышал голоса. Он недовольно нахмурился. Говорили Сяо Танцин и Си Яо. Из их беседы было несложно понять, что Си Яо умудрился как-то пораниться, и теперь младший соученик приволок его сюда, чтобы подлечить.

Усадьба предназначалась исключительно для них троих, и посторонним вход сюда был строго заказан. Что уж говорить о залетном юнце, который даже в ученики внешнего круга еще не зачислился. Цзи Гуаньци пару секунд колебался, не выставить ли незваного гостя вон, но решив, что Сяо Танцин волен возиться со своими протеже в собственных покоях, рассудил, что проще закрыть на это глаза.

Вскоре, как он и ожидал, в дверь негромко постучали.

— Что случилось? — отозвался Цзи Гуаньци.

— У тебя есть целебные пилюли? — спросил из-за двери Сяо Танцин. — Я привел раненого юношу, а у самого все запасы вышли. — Сделав короткую паузу, он добавил: — Это тот самый Си Яо, которого ты видел днем.

— Нет, — сухо отрезал Цзи Гуаньци. Он сидел на циновке, погружившись в медитацию, и даже не соизволил открыть глаза. — Я занят самосовершенствованием. Не отвлекай меня.

Сяо Танцин на мгновение лишился дара речи от подобной холодности. Прежде безотказный старший брат, всегда готовый прийти на выручку, вдруг пожалел какую-то несчастную пилюлю. А ведь именно у Цзи Гуаньци сундуки ломились от всевозможных снадобий.

Нахмурившись, он недовольно бросил через преграду двери:

— Я же знаю, что у тебя этого добра навалом. Мне нужна всего одна штука.

— Всё вышло, — донеслось из комнаты.

— Всё вышло? — с явным недоверием переспросил Сяо Танцин.

— Я же тебе говорил: меня тяжело ранило, и я израсходовал все до последнего флакона, — Цзи Гуаньци сухо кашлянул, давая понять, что его собственное здоровье оставляет желать лучшего, а потому тратить силы на пустую болтовню он не намерен. — Если приспичило — ступайте в Зал медицины.

— Брат Сяо... — Раздался тихий голосок Си Яо. Никто и не заметил, как он выскользнул из комнаты. На его мертвенно-бледном лице отразилось крайнее смущение. — Пожалуй, мне

лучше уйти. Я ведь здесь чужой, мне не положено тут находиться.

Сяо Танцин мрачно уставился на закрытую дверь. Он уже занес руку, намереваясь бесцеремонно толкнуть створку, но слова о тяжелом ранении заставили его помедлить. Пальцы зависли в паре вершков от дерева, после чего он медленно опустил руку.

— Пойдем, — хмуро бросил он Си Яо, разворачиваясь. — Я сам отведу тебя в Зал медицины.

Внутри покоев Цзи Гуаньци уже давно открыл глаза. Его ладонь покоилась на эфесе Меча Благородного Мужа. Дерзны Сяо Танцин распахнуть дверь без спросу, он без колебаний обнажил бы клинок. Подумаешь, сцепились бы в драке — ему терять все равно нечего.

«Рано или поздно мы всё равно станем врагами. Какая разница, когда это случится? Исход один».

Однако Сяо Танцин на удивление легко отступился и действительно увел Си Яо прочь. Во дворе наконец воцарилась долгожданная тишина. Взгляд Цзи Гуаньци потяжелел. Медленно поглаживая подушечками пальцев прохладную рукоять меча, он тихо пробормотал под нос:

— Неужто характер переменял?

В Зале медицины, где ученики ордена Сюаньтянь обычно получали снадобья, дежурный лекарь споро обработал раны Си Яо, наложил заживляющую мазь и выдал несколько флаконов с целебными пилюлями. Сяо Танцин безучастно наблюдал за этим процессом.

— Скажи, Цзи Гуаньци заходил сюда в последнее время? — неожиданно спросил он у дежурного ученика. — С какими ранениями он обращался?

— Старший брат? — Ученик-целитель на миг задумался. — В последнее время он не появлялся. А вот месяца три назад заходил... У него тогда плечевой сустав был раздроблен в крошево. Страшная рана, он едва меча не лишился навсегда. Но сейчас, должно быть, уже пошел на поправку.

Сяо Танцин заметно переменялся в лице. Три месяца назад... Как раз тогда он проходил испытание в Малой обители. Из-за внезапной катастрофы почти весь их отряд погиб на месте. Лишь его одного чудом перебросило обратно в орден, после чего он больше двух недель пролежал в глубоком беспамятстве.

— Три месяца назад... — прошептал Сяо Танцин. — Так вот почему он тогда не ответил на мой талисман передачи звука. Он был ранен.

Тогда он балансировал на грани жизни и смерти. Истекая кровью, из последних сил он активировал единственный уцелевший талисман и отправил зов о помощи Цзи Гуаньци. Но

ответа так и не пришло. Пепел сгоревшего талисмана осел на его ладонях, и Сяо Танцин в полном отчаянии лишился чувств.

«Что ж... тогда я действительно затаил на него обиду. На словах — заботливый старший брат, а коснись дела — и след простыл. Но если он сам лежал при смерти, его можно понять».

— Старший брат, рана молодого господина Си неопасна, — с улыбкой прервал его мысли лекарь. — Достаточно регулярно менять повязки, и через пару дней всё затянется.

Сяо Танцин рассеянно кивнул и, поспешно поблагодарив соученика, вывел Си Яо наружу.

Спустившись к подножию горы, где останавливались прибывшие в орден гости, он остановился.

— Дальше иди сам, Си Яо, — сказал он, протягивая бумажную полоску. — Будь осторожен. Если что-то случится, сожги этот талисман.

Не дожидаясь благодарностей, он развернулся и стремительно взбежал по тропе, скрывшись в вечернем тумане.

Си Яо остался стоять в одиночестве. Он задумчиво повертел в пальцах желтую бумагу талисмана, пряча ее в мешочек Цянькунь, а затем, осторожно придерживая ноющее плечо, с легким вздохом разочарования направился к своему гостевому домику.

Цзи Гуаньци к тому времени уже улегся в постель. Он был уверен, что Сяо Танцин притащит Си Яо с собой на ночлег. Законы ордена были суровы, но его безумный младший соученик никогда не утруждал себя их соблюдением, и Цзи Гуаньци давно махнул на это рукой.

Среди ночи его разбудил настойчивый стук. Не успел он подняться, как створка распахнулась, и на его постель полетел расшитый мешочек Цянькунь. Цзи Гуаньци в замешательстве уставился на него, а Сяо Танцин, возвышаясь над ложем темной громадой, заговорил:

— Я узнал, что три месяца назад ты раздробил плечо. Здесь Чудодейственная пилюля сращивания костей высшего качества. Для сломанных костей ничего лучше не найти.

О ценности этого снадобья Цзи Гуаньци знал не понаслышке — достать его было невероятно трудно даже для лучших мастеров.

— Мои раны давно затянулись, так что оставь эту редкость себе, — ровным голосом отозвался Цзи Гуаньци. Тон его был столь безупречно-вежливым, что Сяо Танцин даже не уловил скрытой в словах издевки. — Вдруг завтра сам покалечишься, а лечить будет нечем.

— Кто тебя ранил? — Сяо Танцин озвучил то, что не давало ему покоя с самого визита в аптеку. Он нахмурился, вглядываясь в лицо названного брата. — Пусть твоя культивация и... словом, никто в ордене не смог бы так легко искалечить тебя.

— Кем? — Цзи Гуаньци прищурился. Приподнявшись на ложе, он смерил собеседника долгим взглядом и вдруг коротко, зло рассмеялся: — Да так, глупым зверем, который надышался ядовитых миазмов и совсем лишился разума. Редкая тварь, тупая до безумия.

— Как его имя? — прямо спросил Сяо Танцин.

— Зачем тебе? — Цзи Гуаньци с иронией изогнул бровь. — Неужто решился отомстить за своего верного старшего брата?

Сяо Танцин промолчал, но весь его решительный вид говорил сам за себя. Поняв это, Цзи Гуаньци сел поудобнее. Уголки его губ поползли вниз, выдавая горькую усмешку, а в глазах вспыхнули ледяные искры.

— И что же ты сделаешь? — негромко спросил он.

— Как-никак, мы делили кров и пищу под одной крышей, — ладонь Сяо Танцина опустилась на рукоятку Парных Клинков у пояса. Голос его звучал глухо и веско. — Тот, кто посмел поднять на тебя руку, заплатит сполна. Я разрушу его меридианы, лишу культивации и притащу сюда, чтобы ты сам решил его участь.

В комнате повисла звенящая тишина. Сяо Танцин уже открыл было рот, чувствуя неловкость от этого затянувшегося молчания, но Цзи Гуаньци опередил его, проговорив с непонятной, пугающей интонацией:

— Что ж... Ловлю тебя на слове. Смотри не забудь, что обещал лишить его сил.

— Я никогда не бросаю слов на ветер, — Сяо Танцина кольнуло странное предчувствие, но ухватить ускользающую мысль он так и не смог. Поколебавшись, он спросил: — Твое плечо... оно действительно зажило?

— Не твоя забота. А теперь уходи, я хочу спать, — раздражение Цзи Гуаньци росло с каждым словом, и он поспешил выпроводить гостя без лишних церемоний. — И больше не смей приносить мне лекарства, Сяо Танцин. Мы с тобой не в тех отношениях, чтобы обмениваться подобными подарками. На этом и закончим.

С этими словами он швырнул мешочек Цянькунь обратно в грудь младшему соученику и взмахом руки захлопнул тяжелую дверь. Тонкое дерево преградило путь ночному сквозняку, скрывая их друг от друга.

На душе у Цзи Гуаньци скребли кошки. Ему стоило огромных усилий не сорваться с места прямо сейчас и не придушить этого неблагодарного мерзавца.

«Терпение... Главное сейчас — вырваться из ордена Сюаньтянь. Если я пролью кровь до того, как покину эти горы, пути назад уже не будет. Я окажусь заперт в этой клетке навстречу собственной гибели».

<http://bllate.org/book/20080/1994984>